

В самом последнем своем интервью (брал его у Василия Макаровича корреспондент «Литгазеты» во время съемок фильма «Они сражались за Родину») Шукшин говорил о том, как все-таки мало он успел сделать за 15 лет работы. Он назвал несколько книг. И стало ясно, сколько еще задумано! И какой же холод недовольства самим собой и какая жгучая жажда нетерпения одолевали этого человека!

И вдруг его не стало... Многие тогда стали задавать себе вопрос: а что же это такое — Шукшин? Чем он не похож на других? Или кого из великих предшественников в искусстве напоминает как писатель, как сценарист, как актер, как кинорежиссер?

В. ШУКШИН (из интервью):

«Меня в одной из статей кто-то остроумно и, я бы сказал, чрезвычайно смело, сравнил (и попытался на параллельном цитировании это обосновать) с самим Чеховым. Правда, с юным Чеховым, Че-

хонте. Дескать, и у него и у меня в основе рассказа — анекдот... Что же, по-моему, это не так и плохо, когда целый кусок живой жизни, который тебя поразил, ты не нарациваешь мясом беллетристики, а урезаешь до такого вот анекдота. По-моему, так читать проще понять тебя...»

У Шукшина есть рассказ, в котором всего четыре странички, и все они о том, как умирал старик, русский хлебопашец, «святой и бедолага». Умирает старик, а старуха его никак не может в это поверить, потому что уж очень, как ей кажется, буднично он отходит, по-будничному отдавая мелкие хозяйственные распоряжения. Вот в этом «оно самое» и есть шукшинское: для кого-то подобный случай мог бы стать поводом для «трагически надрывных» сцен, Шукшину видится иное: и в этом последнем случае человек остается самим собой, не изменяя своему характеру, житейским заботам.

«Почему я назвал свой сбор-

ВАСИЛИЙ ШУКШИН.

По страницам прозы

ВТОРНИК, 10 ОКТЯБРЯ,

1 ПРОГРАММА, 21.30;

«ВОСТОК» — 17.20

ник «Характеры»? Люди, которые населяют мои рассказы, принадлежат большей частью к одной деревенской «касте», да и работают похоже: в земле да возле... И если что-то отличает их основательно, так это характер».

Они «странные люди», его герон. Один, скажем, садится на трактор и по какому-то своему благому расчету ругает старинную церковь, другой бежит из заключения за несколько дней до окончания срока, третий, вдохновленный приездом из города «ученых» людей, спешит к ним, чтобы публично переспорить, «сре-

зять», четвертый на старости лет задумывает жениться, да не просто так, а со сватовством, пятый изобретает «вечный двигатель», шестой пишет в деревенской глуши проекты переустройства современной цивилизации... И нет чудачествам шукшинских персонажей конца.

«Однажды у переправы на реке Катунь в ожидании парома я присел на чемодан и услышал от соседских мужиков и баб такие странные истории о таких людских чудачествах, что по приезде домой не мог не сесть за стол и не записать их. Утром я прочитал все это. Было скучно. Не было того особого «поворота», который из случая делает произведение искусства».

У Шукшина свой поворот, свое наблюдение и воплощение жизненных ситуаций, изображение их своим, уже, можно сказать, «шукшинским» стилем, в котором лексика и интонация деревенской улицы, смешное соединение неожиданных слов, повторы и

акценты, круто замешанные на сочном просторечии. Его легко читать, но не так легко размышлять потом о мотивах «чудачеств» его героев.

«Все мои герои — чуданы. Это так: Кому-то устроилось в жизни лучше, кому-то хуже. Разница тут лишь в количестве. Счастливыми или несчастливыми люди становятся по многим причинам. Я же часто наблюдал, когда люди, покинув, скажем, свою деревню, оторвавшись от земли, теряются, и тогда чудят с горя. Но, а те, кто дома, и те, блудные, кто возвращается домой, чудят с радости. Иначе скучно было бы жить».

Мы до сих пор открываем для себя его творчество. И понимаем, что шукшинское «мало» на поверку временем оказывается совсем не таким уж «малым».

В передаче «Василий Шукшин. По страницам прозы» принимают участие С. Герасимов, Т. Пельтцер, И. Лапиков, М. Глузский, О. Табаков, писатель С. Залыгин.

Говорит и показывает Москва, 1978, 40 мин